

УДК 398.831(470+571)+398.831(430)

Фоносемантические связи в детских колыбельных (на материале русского и немецкого языков)

А. А. Ермакова

Ермакова Анна Александровна, аспирант кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, anna5fox@bk.ru

На основе современных представлений о роли межчувственных ассоциаций в сознании носителей языка ставится проблема определения универсальных черт и национальной специфики звуковой картины мира на материале фольклорных текстов для детей на русском и немецком языках. Комплексный анализ звуковой и буквенной структуры 60 колыбельных песен выявил статистически значимые отклонения от средней частотности звуков, букв и звукокомплексов; сделаны выводы о взаимосвязи фоносемантических элементов.

Ключевые слова: фоносемантика, русский и немецкий фольклор, колыбельные, межчувственные ассоциации, синестезия.

Phonosemantic Associations in Lullabies (On the Material of the Russian and German Languages)

A. A. Ermakova

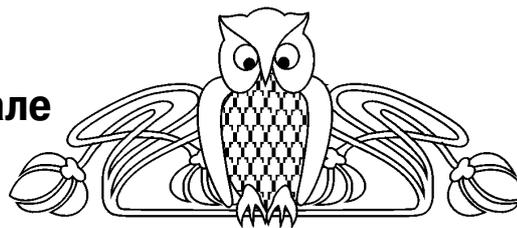
Anna A. Ermakova, <https://orcid.org/0000-0001-7402-6543>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, anna5fox@bk.ru

Based on modern ideas about the role of intersensory associations in the minds of native speakers, the problem of determining the universal characteristics and national specific features of the sound picture of the world is posed on the material of folklore texts for children in Russian and German languages. A comprehensive analysis of the sound and alphabetic structure of 60 lullabies has been performed, statistically significant deviations from the average frequency of sounds, letters and sound complexes have been found; conclusions about the relationship of phonosemantic elements have been drawn.

Keywords: phonosemantics, Russian and German folklore, lullabies, intersensory associations, synesthesia.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-158-162>

Исследования синестезии (Сз) как многослойного системного механизма, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения, давно уже вышли за пределы одной науки: изучение идет в рамках и методами клинической медицины (тактильная Сз включена ВОЗ в перечень симптомов), нейрофизиологии (работают центры в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Германии), клинической психологии, музыковедения, культурологии, искусствоведения, литературоведения, психолингвистики. Феномен включает в себя как полностью индивидуализированное произвольное психофизиологическое явление (по разным данным, его

испытывает от 0,05 до 4,0% населения планеты), так и межчувственные ассоциации, проявление метафорического мышления человека, которые чрезвычайно широко исследуются и интерпретируются, но до последнего времени не имели общепринятого названия, что вызывало споры и недопонимание среди отечественных и зарубежных исследователей Сз. В последнее десятилетие наметилось существенное изменение ситуации: Д. Николитч¹ из института Макса Планка предложил термин «идеастезия» (ideaesthesia), все активнее принимаемый научным сообществом. По сути, понятие синестезии, появившееся в работах С. В. Воронина² и затем используемое Л. П. Прокофьевой³ для обозначения межчувственного образного мышления, является составной частью идеастезии, подчеркивая участие эмоций.

Выделение в начале 1980-х гг. фоносемантики как самостоятельного раздела психолингвистики продвинуло вперед методологию лингвистических исследований, предложив инструмент многофакторного анализа слов, потенциально содержащих звуко-символическую информацию. Остается важной проблема определения единиц, носителей звуко-символического смысла. По-прежнему в современных работах обнаруживается весьма широкий разброс от звуков, звуковых сочетаний, фонем, графем, звукобукв до звуковых комплексов или фонем, понимаемых как «фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию»⁴. В работах известного исследователя звукового символизма в германских языках В. В. Левицкого была разработана статистическая методика выявления семантико-фонетических корреляций звукокомплексов в английском и в немецком языках, что позволило закрепить за фонемами определенные значения⁵. Работа над составлением словаря идет в разных национальных исследовательских коллективах⁶, причем немецкий язык с этой точки зрения все активнее и активнее изучается в последние десятилетия (С. С. Шляхова, О. В. Шестакова, М. Д. Зимова, С. А. Филимоненко и др.)⁷, сбор начальных и конечных фонем, актуальных для настоящей работы, продолжается. На этапе выдвижения гипотезы актуальной является проверка вводных параметров (звуки, фонемы, буквы русского и немецкого языков).

Материалом, который все чаще привлекает внимание исследователей фоносемантики, становится фольклорный текст, так как именно там

возможно найти основы изначальной, отприродной связи между формой языкового знака и его содержанием. Особое место занимают тексты для детей, которые не разграничивают звуковую биосферу и семиосферу, наделяя звучащим целовеческим языком любой биологический и семиотический объект⁸, тем самым предоставляя возможность передавать информацию, которую они способны воспринимать. С. В. Воронин полагал, что для взрослого несущественно, обладает слово образной мотивированностью или нет⁹, но ребенок в слове, в звуке всегда ищет правильное для его понимания отражение действительности.

С. Н. Цейтлин не раз подчеркивала, что «дети реагируют на просодиду, которая кодирует эмоции»¹⁰. Известный детский психолог Н. Х. Швачкин, изучающий процессы развития фонематического восприятия речи ребенком, делает выводы о том, что ребенок усваивает фонетическую сторону в определенной последовательности: сначала интонацию, затем ритм и лишь только после года – звуковой состав слова: «Семантической особенности начального периода в развитии детской речи соответствует его фонетическая особенность. <...> Не фонема (являющаяся фонетической единицей словесной речи), а интонация, ритм, а затем и общий звуковой рисунок слов получают в этот период семантическую нагрузку»¹¹. Исследования на материале немецкого языка также подтверждают, что очень рано, еще в доречевой стадии – в возрасте двенадцати-восемнадцати месяцев, в вокализациях ребенка уже можно наблюдать лингвоспецифические особенности системы ударения, что во многом связано с эмоциональным восприятием звуковой стороны речи у детей этого возраста¹².

Звукоизобразительность (ЗИ), обобщает И. Ю. Павловская, «является естественным свойством детской речи, поскольку именно на ранних стадиях действительности в звукоподражаниях наиболее определенно выражена связь образа звучащего слова с образом предмета. Поэтому закономерным является использование ЗИ в текстах детских произведений, где она является дополнительным способом описания тех или иных явлений. Как осознанный возврат к утраченной в процессе филогенеза и онтогенеза фоносемантической праснове речевой коммуникации закономерным является использование ЗИ в речи, обращенной к детям, в частности, в детской литературе и в лингводидактике»¹³. Нам чрезвычайно близка такая позиция, поскольку она определяет актуальность исследования данного типа текстов средствами и методами фоносемантики.

Цель исследования состоит в выявлении, всестороннем описании и классификации фоносемантических особенностей фольклорных текстов для детей в немецкой и русской лингвокультурах для выявления их универсальных черт и национальной специфики звуковой картины

мира. Задача работы – выявление значимых фоносемантических средств, используемых в популярных колыбельных в двух неблизкородственных языках.

Материалом настоящего исследования стали 60 фольклорных текстов, предназначенных для устного воспроизведения, а именно колыбельные песни для самых маленьких из популярных сборников¹⁴. Колыбельные представляют собой уникальный, национально специфичный набор, тем не менее, универсально представленный практически во всех существующих культурах. Один из составителей сборников немецкого детского фольклора Ф. Бёме отмечал уже в 1897 г., что «можно в колыбельных песнях найти необъяснимую игру со слогами и Säusellaute ‘нашептывающие’ звуки для убаюкивания; от звукоподражания к словообразованию (ономатопея) народ во все времена выражал к этому симпатию»¹⁵.

Для проверки гипотезы, что тексты для детей на русском и немецком языках имеют общие и специфические черты, зафиксированные на уровне фоносемантики, был разработан постановочный эксперимент, включающий комплексный статистический анализ ритмомелодической структуры текстов, их лексико-семантический анализ, а также предварительное распределение статистически значимых звуков, фонем и звукокомплексов в немецких текстах и компьютерный анализ звукобуквенной структуры русских колыбельных. Предварительный анализ метра и ритма позволил выделить наиболее типичные для русских хорей (63%), анапест (27%), ямба (10%) и немецких хорей (90%), ямба (10%) колыбельных, тем самым частично подтвердив данные Д. С. Ивахнова¹⁶ и предположения К. И. Чуковского о значимости двудольных размеров, совпадающих ритмически с движениями играющего ребенка. Расхождения касаются трехдольных размеров, которые, по нашим наблюдениям, дополняют исходную семантику равномерности двудольных, добавляя контрастные ритмы и протосмыслы. Именно этот ритм используется в немногочисленных русских колыбельных, содержащих угрозу. Лексико-семантический анализ позволил выделить тематические группы, проанализировав их общие и специфические составляющие.

Далее был проведен подробный сравнительный статистический анализ корпуса колыбельных на русском и немецком языках на уровне графонов, причем русские тексты были обработаны с помощью программы «Звукоцвет»¹⁷, немецкая версия программы находится в настоящее время в разработке. На начальном этапе исследования значимым является сравнение уже имеющихся данных о средней частотности графонов с полученными в ходе корпусного анализа, после чего возможно уточнение и дополнение теоретических сведений по двум языкам. Для

наглядности приведем статистические данные по средней встречаемости графонов в русском и немецком, выделив жирным шрифтом самые частотные, курсивом – соотносимые частотности по двум языкам (табл. 1). Так, наиболее частыми в русском являются С, Е, Н, О, В, А, Л, И, Т, Р, а в немецком E, N, I, S, T, A, H, D, U, охватывающие около 67 и 73% соответственно. Таким образом, остальные 33 и 27% малочастотных графонов становятся в тексте высокоинформативными с точки зрения фоносемантики. В тексте статьи все ссылки на текстовую частотность графонов будут приводиться в сравнении со средними показателями. Эти сведения в комплексе с потенциальной значимостью фонем, графонов, предложенной в работах многочисленных исследователей фоносемантики, стали базой настоящего исследования.

А. Б. Михалев на основе сравнительного анализа общего индоевропейского фонда корней составил сводную таблицу потенциальных значений фонем, в которой указывал на их синестетическое развитие¹⁸. В частности, фонемы <G/K>, по его мнению, могут передавать пейоративное презрительно-уничужительное значение. В нашем материале фонема <k>, передаваемая отдельной буквой или в составе сочетаний, показала 43% встречаемости от всего объема материала. Обнаружены выходящие за пределы случайных совпадений семантики и фонетики. Так, ‘презрение’ выражалось в значении размера: *kleiner Hadersack* – маленький нищерброд, *kleiner Dicksack* – маленький пузан, *kleiner Küttelsack* – маленький мешок с потрохами, *grosskopfets Kind* – Филиппок (большеголовый ребенок), *mit seinem großen ledernen Sack, wo er die Kinder reinsteckt* – со своим большим кожаным мешком, куда он засовывает детей; в значении ожидания порки, ударов, боли: *Dann kriegen die Kinder Klopp Kloppfisch* – Затем детям порка предстоит. Отметим, что в статистическом исследовании Ю. А. Тамбовцева смычные шумные занимают вторую позицию по частотности¹⁹.

Фонемы <D/T> представлены у А. Б. Михалева в значении синестетического развития

как ‘плотный’, ‘густой’, а в артикуляционно-символическом значении – ‘твердость’, ‘преграда’, ‘протыкание’, ‘напряжение’, ‘давление’. В нашем материале фонема <d> показала самый большой процент встречаемости – 70%, а <t> – 13%, что также согласуется с данными Ю. А. Тамбовцева. Слова с <t> и <d> регулярно связаны в колыбельных с проявлением семантики утрашения и напряжения: *der hat einen langen Schlitten mit, Und nimmt die bösen Kinder mit* – У нее с собой длинные санки, Забирает с собой злых детей она; ... *dass die Trud dich nicht drückt* – чтобы тебя колдунья не удавила; ... *bläst uns alle Federn raus, und endlich gar die Augen aus* – выдует все перья и наконец глаза; ... *wärs du grösser, dann schlüge ich dich* – был бы ты больше, я ударила бы тебя тогда. Обращает на себя внимание факт, что средняя встречаемость <d> в немецком языке составляет 49% (в отличие от 43% в английском и 37% в русском), а <t> – 56% (90 и 75%), т. е. налицо в одном случае усиление, в другом ослабление

Фонемы <V/F> у А. Б. Михалева показали синестетическое развитие в значении ‘протекание’, ‘течение’, ‘выход’, ‘вход’. Наше исследование выявило 17% присутствия фонемы <v>, тогда как фонема <f> статистически значимо не проявилась. Отмечено частотное использование глагола *wiegen* – качать, существительного *Wiege* – колыбель, причем благодаря словесным и звуковым повторам создается впечатление движения покачивания, успокоения *sie wieget ihr Kind, sie wieget's mit ihrer schneeweißen Hand*. По данным Ю. А. Тамбовцева, по частотности щелевые шумные и звонкие шумные находятся на 4-м и 5-м месте встречаемости.

Фонемы <ç> и <ʃ> демонстрируют у А. Б. Михалева синестетическое развитие в такие значения, как ‘диффузность’, ‘дисперсность’. В нашем исследовании они составили 40% от общего объема колыбельных. Фонема <ʃ> также используется в немецких колыбельных во фрагментах, связанных с семантикой утрашения, отмечено частое использование слова *schwarz* – черный. *Dann kommt das schwarz und beisst es*

Данные о средней частотности графонов русского и немецкого языков, %

Графоны русского языка	Графоны немецкого языка	Графоны русского языка	Графоны немецкого языка	Графоны русского языка	Графоны немецкого языка
А 9,5	А 5,58	Ж 0,8	Ј 0,24	С 4,9	Ш 6,42
Б 1,8	<i>В 1,96</i>	К 3,3	К 1,32	Т 7,5	Т 5,79
Ц 0,4	С 3,16	<i>Л 3,7</i>	<i>Л 3,6</i>	У 2,9	U 3,83
Д 3,7	Д 4,98	<i>М 3,2</i>	<i>М 2,55</i>	В 3,9	В 0,84
Е+Ё 8,9	Е 16,93	Н 6,4	Н 10,53		W 1,78
Ф 0,3	Ф 1,49	О 10,4	О 2,24		Х 0,05
Г 1,5	Г 3,02	П 2,6	Р 0,67	Й 1,3	У 0,05
Х 0,9	Н 4,98		Q 0,02	<i>З 1,5</i>	<i>З 1,21</i>
И 5,6	І 8,02	Р 3,8	Р 6,89	Ч 2	
Ш 1,2		Щ 0,3		Ы 1,6	
Э 0,5		Ю 0,6		Я 2,4	

– Тогда придет черная и укусит его (ребенка), *schlagen* – бить. Фонема <ç> используется часто в уменьшительно-ласкательных суффиксах *-chen* и сглаживает в колыбельных угрозу либо напасть или сулит какой-то дар, вознаграждение ребенку за то, что он уснет, *Wämschen* – фуфаячка, хотя *Wamse* однокоренное слово обозначает побои.

В русских колыбельных песнях автоматизированный анализ корпуса текстов показал устойчивые показатели, не выходящие за пределы средних при работе с метатекстом колыбельных и значительные изменения частотности в каждом отдельном тексте. Так, самой активной оказалась звукобуква *K*, по данным А. П. Журавлева, связанная со значениями ‘тусклый’, ‘устрашающий’, ‘шероховатый’²⁰.

В 23 колыбельных из 30 повышенную частотность продемонстрировала звукобуква *O*, которая и так занимает первое место в ранге частотностей с индексом 10,4, но в 77% от общего количества колыбельных ее частотность поднималась до 25, что с высокой степенью вероятности связано с напевностью успокаивающей речи (иногда в сочетании с *У*): *У мово ли у дитя Одеядечко тепло, Одеядечко тепло, Соболиное*. Тем не менее звукобуква также оказалась активной в контекстах с семантикой угрозы: *Угомон тебя возьми; Колотушек надаю;... волчок, ... за бочок, злой старичок, хворостинкой посечёт*.

Еще две малочастотные в обычной речи звукобуквы проявили свою активность в 23% текстов нашего материала – *Ч* и *Ш*: свистящий звук частотно используется для усыпления и успокоения ребенка, создавая атмосферу мягкости и диффузности. По данным А. П. Журавлева, в языковом сознании они связаны со значением страха, но, тем не менее, в «страшных» в семантическом отношении текстах в нашем материале их звучание нивелировалось сонорными *Л*, *М* и лабиальным *О*: *Баюшки, баю! Не ложися на краю: Тебя мышка съест, А коровка – под бочка, Не даст молочка*. При этом в тексте с прямым пожеланием ребенку смерти вообще нет ни одного звука с предполагаемой протосемантикой страха: *Бай-бай да люли, Хоть сегодня умри. Завтра мороз, Снесут на погост. Мы поплачем-повоем, В могилу зароем*.

Обнаружилась параллель с немецкими колыбельными в отношении сочетания *АЙ*: в русских колыбельных оно представлено 23%, *бай бай бай, качай*. При пропевании, как правило, этот звук удлиняется до *аааай*, *поскорее засыпаай*, *баю-бааай* и служит во многом для создания монотонного ритма. И в немецком языке необходимо отметить использование дифтонга [ai], который представлен в нашем исследовании 60%, что во многом связано с активным функционированием уменьшительно-ласкательного суффикса *-lein* и прилагательного *klein* – маленький. *Schlaf, mein kleiner Brummelbär* – За-

сыпай, мой маленький ворчун. В исследуемом материале наблюдается разная эмоциональная нагрузка: это или выражение нежности и любви к ребенку: *äuglein* ‘глазки’, *kindlein, kindchen* ‘малыш’, *büblein* ‘мальчик’, *töchterlein* ‘доченька’, *zuckerlein* ‘сахарок’, *herzliebtes kindelein* ‘дорогой сердцу малыш’, или усмешка и ирония: *sünderlein* ‘безбожник’, *hinterlein* ‘попка’. Высокий процент встречаемости свидетельствует о том, что эта семантическая амбивалентность программируется на уровне фоносемантики. Не вызывает сомнений, что звуковой состав морфем содержит звукосемантический потенциал, но исследования в данной области начались совсем недавно и накопленных данных недостаточно, чтобы делать существенные выводы.

Активное использование в русских колыбельных суффиксов-димиутивов *-ик-*, *-ок-*, *-ец-*, *-иц-*, *-оньк-*, *-еньк-*, *-очк-*, *-ечк-*, *-ышк-*, *-ишк-*, *-ушк-*, *-юшк-* служат разным целям – от выражения нежности и любви, как в случаях с обращениями, так и для усиления осязательных, тактильных ощущений тепла – *постелюшка, пуховенькая, одеядечко, перинушка*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются и в номинациях. Здесь практически нет императивных обращений «ты», «дитя», «ребенок», «малыш», как в немецких колыбельных, зато активны *Сашенька, Аннушка, Сереженька, Ванюшка*. Анна Вежбицкая, описывая экспрессивную деривацию русских имен, отмечала, что «в русской культурной традиции исключительно важную роль играет степень интимности личных отношений»²¹. Интересно, что Е. В. Сундуева, изучая звукосемантический потенциал корневых морфем в монгольских языках, также заметила возможности звуков аффиксов последовательно выражать устойчивые значения, передавая определенные идеи в пределах семантических групп слов²². Безусловно, эта работа должна быть продолжена.

Таким образом, проективный анализ корпуса текстов детских фольклорных песен для самых маленьких в русской и немецкой лингвокультурах с точки зрения отражения в них синестетической информации на уровне лексики и фонетики показал, что отдельные звуки, фонемы, звукобуквы, могут иметь устойчивую статистически значимую связь с некоторыми семантическими областями. Их изучение, систематизация и интерпретация могут приблизить к пониманию древнего коммуникативного кода, служащего, по мнению С. С. Шляховой, средством связи между «тем» и «этим» миром.

Примечания

¹ См.: *Nikolić D.* Is synaesthesia actually ideaesthesia? An inquiry into the nature of the phenomenon // Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art. Granada, Spain, April 26–29, 2009. URL: <http://>

- www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synesthesia2009-Nikolic-Ideaesthesia.pdf (дата обращения: 13.12.2019).
- ² См.: *Воронин С.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
  - ³ См.: *Прокофьева Л.* Звуко-цветовая ассоциативность : универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007.
  - ⁴ *Householder F.* On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // *Word.* 1946. № 2. P. 83–84.
  - ⁵ См.: *Левицкий В.* Семантичні і стилістичні функції початкових сполучень фонем у німецькій мові // *Иноземна філологія.* 1986. Вип. 81. С. 75–80.
  - ⁶ См.: *Magnus M.* Gods of the word. Kirksville, 2001.
  - ⁷ См.: *Shlyakhova S., Shestakova O.* Specificity of German-Russian Dictionary of Onomatopoeias // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* 2015. Vol. 6, № 3. P. 380–387. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s2p380
  - ⁸ См.: *Шляхова С.* Фоносемантическая картина мира : к постановке проблемы // *Филологические заметки.* 2014. № 1. С. 183–192.
  - ⁹ См.: *Воронин С.* Указ. соч. Л., 1982.
  - ¹⁰ *Цейтлин С.* Язык и ребенок : Лингвистика детской речи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000. С. 74.
  - ¹¹ *Швачкин Н.* Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // *Возрастная психоллингвистика : хрестоматия / сост. К. Ф. Седов. М., 2004. С. 115.*
  - ¹² См.: *Röhr-Sendlmeier U.* Die Entwicklung frühkindlicher Vokalproduktionen aus phonetischer Perspektive // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik.* Heft 42. Frankfurt a/M., 2005. S. 63–81.
  - ¹³ *Павловская И.* Фоносемантический анализ некоторых произведений английской художественной литературы и их перевода на русский язык // *Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина.* 2011. Т. 7, № 4. С. 196.
  - ¹⁴ См.: *Böhme F.* (Hg.): *Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Volksüberlieferungen aus allen Landen deutscher Zunge, gesammelt, geordnet und mit Angabe der Quellen, erläuternden Anmerkungen und den dazugehörigen Melodien.* Leipzig, 1897 ; *Русский фольклор / сост. В. П. Аникин. М., 1985.*
  - ¹⁵ *Böhme F.* Op. cit. S. 16.
  - ¹⁶ См.: *Ивахнов Д.* Психолингвистическое исследование корреляций общесемантической и ритмической структуры текста : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
  - ¹⁷ См.: *Прокофьева Л., Миронова Т., Пластун И.* Программный продукт Звукоцвет : программа фоносемантического анализа текста № госрегистрации 0321300648. Саратов : Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, 2013.
  - ¹⁸ См.: *Михалев А.* Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск, 2018.
  - ¹⁹ См.: *Тамбовцев Ю.* Компендиум статистических характеристик функционирования согласных фонем в звуковой цепочке английского, немецкого, французского и других индоевропейских языков. Новосибирск, 2001.
  - ²⁰ *Журавлев А.* Фонетическое значение. Л., 1974. С. 46.
  - ²¹ *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 49.
  - ²² См.: *Сундуева Е.* Звуки и образы : фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ, 2011.

Образец для цитирования:

Ермакова А. А. Фоносемантические связи в детских колыбельных (на материале русского и немецкого языков) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2020. Т. 20, вып. 2. С. 158–162. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-158-162>

Cite this article as:

Ermakova A. A. Phonosemantic Associations in Lullabies (On the Material of the Russian and German Languages). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism,* 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 158–162 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-158-162>
